

Синие стены больничной палаты городского лазарета. Большое круглое окошко и вьющиеся цветы на подоконнике. На кушетке лежит укрытая простынёй пегасочка с шубкой цвета сгущённого молока и каштановой гривой. Глаза с коричневыми ресницами на заострившейся мордочке были закрыты. Грива была чистая, но свалывающаяся. Шерсть на мягкой шубке так же была чистой и тусклой. Грудь под простынёй очень слабо колыхалась.

Мерно тикал механический кардиограф, подключённый к телу девушки.

Рядом, сгорбившись, сидел серый пегас и вглядывался в её лицо. Наполненные болью большие синие глаза переключились на данные, что показывал энцефалограф. Тринадцать маленьких кругов, как на механической счётной машинке, показывающих каждый значение своего сигнала, бесстрастно показывали критически минимальную активность мозга пегасочки, изредка с легким щелканьем переходя на одно-два деления вверх или вниз.

Деструктивная кома. Жеребец снова перевёл взгляд с прибора на измождённую мордочку бессознательной кобылки. Решительно, до боли, согнул копыта передних ног, после - резко встал и вышел из палаты.

Небольшой кабинет, почти полностью уставленный ящиками и ящичками, стол заваленный бумагами и свитками с печатями разных городов. Полки, с подсветкой из кварцевых ламп, на которых аккуратно разложены различные инструменты. И огромный - во всю стену, пугающий постер изображающий то ли - красную ворону, то ли - сову со здоровенными круглыми желтыми глазами. Кабинет начальника лазарета, в котором застигнуть последнего было практически нереально. Сам хозяин кабинета сейчас сидел за столом и внимательно разглядывал пронзительным взором карих глаз съёжившегося серого пегаса с повязкой с сердечками на голове, кутающегося в свой белый халат.

- Она лежит в коме уже больше полугода. Даже если чудо случится и она очнётся - это будет растение. Зачем оно тебе? Мы можем отправить её в социальный приют, что в Апеллузе.

- Нет, мой господин, тогда у неё не будет шанса - синие глаза нашли в себе силы наконец ответить на тяжёлый взгляд большого черногривого пегаса.

- Можно подумать, ты сможешь оказывать ей должный уход только своими силами... Пойми, она может пролежать так всю жизнь, не приходя в сознание, зачем тебе эта ноша?

- Потому что я... потому что.... пегасы... они должны летать.

Что-то мелькнуло в суровом взгляде начальника лазарета, и черты его лица разгладились. Бронзовошерстый пегас задумался, машинально вертя двойные волшебные песочные часы, отмеряющие оранжевыми песчинками часы и минуты, что бесшумно проходили в городской больнице.

Бронзовые крылья несли своего хозяина в небе, спеша за размеренными взмахами перепончатых и огромных - чёрных.

- Любопытно. Ты считаешь, что это можно позволить? - поинтересовалась дракона.

- Я думал над этим. Ему - можно. Он искренен, что-то зацепило его в этой девушке.

Пегас и драконица медленно совершали облёт вокруг города. Через какое-то время в воздухе прозвучал новый вопрос.

- Каковы шансы что она проснётся?

- Очень маленькие, моя госпожа.

- И всё же ты пришёл ко мне.

- Да, моя госпожа.

- Почему? - дракона повернула голову, вперив наполненный силой взгляд розовых глаз в черногривого пегаса.

- Потому что пегасы должны летать, а не разлагаться овощами в приютах. Так, хотя бы, мы дадим ей хоть призрачный, но - шанс.

Снова на серошерстого врача, дрожащего от ожидания, сумрачно смотрит со стены желтоглазое красное пернатое чудо. Откуда у главврача такой странный постер? Зачем он его вообще повесил себе в кабинет? Пегас пытался раздумьями отвлечься от ожидания. Шорох песчинок в двух колбах песочных часов на столе. Гудение кварцевых ламп на полках, горящих интенсивным неземным синим светом. Запах формалина.

Наконец в кабинет зашел усталый черногривый жеребец и грузно сел на свое место.

- Мой господин, как прошла операция? - робко поинтересовался серогривый фельдшер.

- Жеребёнок будет жить. Можно сказать, его хранила Селестия. При проломленном черепе не повредить мозговые оболочки... Отёк умеренный, реакции в норме. С ним всё будет хорошо. - устало выдохнул главврач.

- Насчёт тебя, теперь... - продолжил он, вперив тяжёлый взгляд в сжавшегося пегаса.

Последний очевидно что-то почувствовал в словах своего шефа, и его крылья непроизвольно и радостно поднялись, а взор - посветлел.

- Спокойно-спокойно... - пробурчал пони в кресле - ...поводов для особой радости у тебя нет. Тебе нужно работать в больнице, и я не могу сейчас позволить себе лишиться фельдшера просто по своей прихоти.

- Я думал об этом, мой господин. Я хорошо шью! Я мог бы шить на дому спецодежду для всего нашего лазарета.

- У нас уже есть договор со швейной мастерской...

- Я буду делать это только за жалование фельдшера - твёрдо и убеждающе произнес выпрямившийся серогривый врач - это значительно выгоднее, чем платить мастерской.

- Качество...

- ... Оно будет наилучшим, мой господин. Я обещаю. - жеребец вскочил со стула, выдержав тяжёлый взгляд развалившегося в кресле и положившего голову на свои крылья усталого главврача. Крылья у посетителя теперь были браво подняты, и вся его поза напомнила сидящему об их старых совместных приключениях...

- Ишь ты, встрепенулся-то как... Ладно. Ты хороший пони и прилежный фельдшер. Я распоряжусь о переносе твоей подопечной, бригаде скорой помощи. Пойди на склад - тут мощный крылатый жеребец выудил из кипы бумаг на столе пустой бланк, и, написав на нём несколько строк, подписался и поставил небольшой штамп - Вот. Возьмешь

запасную установку и капельницу. Поставишь у себя. Физраствор, сердечные и остальное возьмешь в аптеке... под моё слово.

Главный врач неожиданно легко взлетел с кресла, и, очутившись рядом с небольшим пегасиком, силой своих могучих крыльев подтянул и прижал его к себе. Подняв передней ногой его голову за подбородок, он посмотрел ему прямо в глаза. Для серогривого юноши подобное всегда было чудовищно тяжело, но сейчас он, дрожа всем своим телом, смотрел в строгие карие глаза шефа, стараясь выглядеть твёрдо и решительно.

- Отныне. Ты. Отвечаешь. За неё. Вместе с тобой я.

- Я не подведу, мой господин. Я... обещаю.

Бронзовые крылья медленно раскрыли объятия. Взгляд потеплел и стал немного сочувственным.

- Хорошо... Селестия да ниспошлёт тебе удачу в твоём деле. Всё, не теряя времени, пошёл.

Воодушевлённый молодой врач выпорхнул из тесного кабинета. Жуткий взгляд красной птицы с плаката в последний раз скользнул по его серым крыльям.

Небольшая воздушная пирамидка из облаков на краю Спирали, что медленно кружилась над городом. Туда два пегаса занесли носилки с лежащей на них девушкой. Серый врач осторожно тащил рядом медицинскую установку, что была подсоединена к его подопечной. Бригада скорой помощи осторожно переложила кобылку на кровать, и, убедившись что всё в порядке, тепло попрощалась с тихо благодарившим их молодым фельдшером. Серый пони устал и медленно вернулся в домик, и, пододвинув табурет, сел рядом с бессознательной девушкой. Радость от того, что ему удалось добиться, сменилась в больших синих глазах горечью и почти сразу - решимостью. Взгляд стал твёрдым и упрямым, и жеребец, решительно поднявшись, достал из седельной сумки несколько толстых медицинских справочников и углубился в чтение.

Несколько дней мужчина делал одно и то же. Бесконечное шитье одежды, которую он уже успел возненавидеть, но за качеством которой он параноидально следил. Штудирование медицинской литературы, которую он успел перелопатить за это время великое множество. Мытьё и расчёсывание своей подопечной, которое само по себе превращалось в акробатический номер. Хотя серогривый жеребёц был силен и вынослив, аккуратно перетаскивать в ванную и обратно взрослую кобылку, не навредив ей и аппаратуре, что послушно катилась на колёсиках следом - было чудом ловкости. Массаж дважды в день. Уколы. Непростое кормление и стул.

Несколько дней. За это время у него побывали, как ему казалось, все должностные лица города и все крупные медицинские специалисты и маги. Побывала даже дракона. Все остались довольны состоянием его подопечной, но многие смотрели на него как на сумасшедшего. Теперь, после этих дней, проведённых как в дурном сне, крылатый жеребец начинал бояться, что скептики были не так уж далеки от истины. Мышечный тонус падал. В крови было все больше продуктов распада, образовавшихся от хронической неподвижности. Данные энцефалографа сигнализировали о том, что вскоре придётся подключать аппарат искусственного дыхания, не довольствуясь уже обычной подпиткой кислородом. Пегасочка угасала. Мужчина обхватил копытами голову, скорчившись на жёстком деревянном стуле. Он зарычал, проклиная собственное бессилие.

Через час он медленно выпрямился. Что-то промелькнуло в его потускневшем взгляде, и в синих его глазах появилась мрачная решимость. Он проверил ещё раз состояние девушки, и, закрыв за собой дверь, развернул крылья и спланировал вниз в вечерний город.

Кабинет коменданта находился там же где он жил - прямо в Башне драконов. В отличие от кабинета начальника госпиталя у главного земнепони города он был несоизмеримо больше, но пустого места в нём было не особенно много, как и в госпитале. Большой металлический стол с дубовой крышкой, на котором стояла небольшая, но яркая лампа. Вмонтированный монохромный монитор, пара изящных накопытных указок для работы с клавиатурой и однокнопочный манипулятор. Ворих каких-то бумаг, и неожиданно посреди них - весёлой расцветки большой кожаный мячик. Бездушные серые стальные личины сейфов, что стоят в ряд за столом коменданта. Справа - огороженная решёткой часть комнаты, за которой лежат на стеллажах неожиданно аккуратно папки с бумагами, разное оружие и другие объекты непонятного назначения. Там же, но перед решёткой, был манекен, куда земнепонь вешал свою броню. Слева стоял диванчик и добротный спортивный тренажёр. Стены кабинета украшали копии с лучших работ великой Фотофиниш - красивейшие кобылки этой благословлённой Сёстрами земли.

Комендант умело скрыл своё удивление и любопытство, и, встав из-за стола, подошёл поприветствовать серогривого пегасика. Он притянул его к себе и обнял, чувствуя как последний дрожит крупной дрожью. Это подогрело ещё больше интерес к происходящему, и хозяин кабинета жестом предложил пегасику взобраться на диван. Гость робко разместился на мягком предмете мебели, и песчаного цвета земнепони сел рядом, устремив изучающий и насмешливый взор своих зелёных глаз на серошерстого пони. В прошлом в жизни обоих пони имел место быть некий инцидент, после которого пегас перешёл работать в госпиталь. Но, по обоюдному согласию, возвращаться к этой теме они не собирались. И тут такая встреча...

- Признаться, я заинтригован. Никак не ожидал увидеть тебя здесь. - тепло улыбаясь произнес комендант, вкладывая в свой голос максимум сердечности. Гость оценил этот жест, и, наконец перестав разглядывать многофункциональный гарпун на ноге земнепони, поднял на него большие синие глаза, и, вздохнув, начал свою речь:

- Как вы знаете, господин комендант, я забрал из госпиталя больную, которую наши врачи и маги признали безнадежной.

- Да, мне это известно - улыбаясь, ответил земнепонь, погладив передней ногой серый бок гостя. Тот вздрогнул как от удара, но отстраняться не стал. Это окончательно запутало коменданта. Он решил слушать дальше. Уже не скрывая своего откровенно любопытного взгляда, он вовсю глядел на замолчавшего и густо покрасневшего фельдшера.

- Смелее, мой хороший. Я слушаю тебя. Тут тебя никто не съест. И не обидит.

Кожаный мячик упал со стола и стал прыгать по комнате со всё уменьшающейся амплитудой. Две пары глаз следили за его движениями. Синяя - обречённо и решительно. Зелёная - с мальчишеским любопытством и... сочувствием. Спортивный снаряд уткнулся в решетку, и пегас, силой воли оторвавший от него взгляд, воззрился на коменданта снова.

- Прошу прощения, мой господин, но у меня есть к вам просьба.

- Я внимательно слушаю тебя - голос земнепоня был по прежнему тёплым и доброжелательным.

Пегас собрался с силами и, уже с отчаянной решимостью глядя на шефа городской стражи, продолжил:

- Девушке становится хуже. Если ничего не изменится, в ближайшее время она погибнет. Я думаю, что ей могли бы помочь в Кантерлоте. Маги или возможно они Сами...

- Вот как. Ты хочешь чтобы я организовал перевозку. Время ушло. Почтовый дилижанс уже улетел, и вернётся теперь только через две с половиной недели. Иначе бессознательную взрослую пони, да ещё и нуждающуюся в постоянном наблюдении, перевезти невозможно. С дилижансом была возможность перевести её в Аппелузу в приют как и предлагалось вначале.

Серогривый сжал копыта.

- Приют - это верная гибель для неё!

- ... А сейчас? - кротко поинтересовался песочный жеребец.

Наступила тягостная пауза.

- Вы очень много можете, господин... Я надеялся... Я мог бы...

Фельдшер сделал чудовищное усилие над собой, поднял переднее копыто и нерешительно погладил песочного цвета шубку на бедре хозяина кабинета, ненадолго задержав ногу на его кюотимарке - стальном щите, на котором было большое красное сердечко. Земнепони дружелюбно и сочувственно посмотрел на гостя, и перевел взгляд на серого цвета ногу, что робко ласкала его - на свою кюотимарку.

- Даже "так"... да, я многое могу... - медленно произнёс он. Он мягко взял гостя за копыто, отняв его от своего бока, но и не отпуская из своего собственного, задумался о чём то. Серошерстый пегас теперь не понимал, что за этим последует и обречённо ждал.

- На вышке я говорил с тобой, ты помнишь. Это не то будущее, которое я бы тебе желал, юноша. Мне не нужны такие жертвы, хотя, откровенно говоря, предложение заманчивое, особенно в свете прошлого твоего опыта - комендант тонко улыбался и по выражению на его мордочке невозможно было понять, шутит он или серьёзен. - Забрав девушку, ты сделал то, что велело тебе сердце. Думаю Сели будет довольна, если я окажу тебе помощь так, как велит мне моё - бескорыстно.

У пегаса поднялись крылья и в синих глазах, что теперь сверлили крепко сбитую фигуру песочного земнепоня, засветилась надежда.

- Так вы всё таки можете помочь!...

- Не так быстро, мой дорогой - засмеялся комендант, погладив гостя по голове. Последний, пребывающий на седьмом небе от того, что увидел луч надежды, даже не вздрогнул - Я не смогу помочь сам. Но, я кажется знаю, кто сможет это сделать...

Серошерстый пегас конечно знал о теневом колдуне, но никогда не разговаривал с ним лично. О нем ходили сумрачные и нехорошие слухи, под стать его, буквально наводящему ужас, облику, и мало найдётся пони, которые добровольно шли в его пещеру, что была недалеко от окраины Великой Топи. Молодой фельдшер неосознанно жался к тёплому боку спокойно идущего рядом коменданта. Вечнодикий Лес, где отшельником жил этот странный белогривый единорог серой масти, не пугал обоих, - он был частью их работы, но мысль о предстоящей встрече приводила юношу в трепет.

Они зашли в садик перед пещерой отшельника. Сам хозяин был там же в компании небольшой гидры, которая терпеливо тремя головами перекладывала дикие

дыньки. Колдун, обхватив шею четвёртой головы гидры, что была опущена к нему, передними ногами, ласково хвалил питомицу за аккуратность, и журил, при этом легко щелкая копытом по ей носу, если сильные челюсти портили ярко-жёлтый плод. Большая самочка в этот момент моргала, по прежнему с обожанием глядя на теневого мага. Увидев гостей он отпустил шею гидры, и та неспешно удалилась куда-то за скалу, что являлась домом для отшельника. Комендант вышел вперед, чтобы обнять друга. Пегас терпеливо ждал, осматривая диковинный садик. В благодатном для растений вечно тёплом болотном климате могло расти похоже, что угодно, чем колдун старался пользоваться по полной.

Его окликнули. Юноша стал подходить к двоим пони, когда почувствовал страх от отшельника, о котором рассказывали абсолютно все истории, что доводилось ему слышать. Не доходя трех метров до двух пони, его остановили.

- Достаточно - неожиданно тепло улыбаясь, произнёс колдун - иначе ты потеряешь способность соображать, а нам это сейчас очень нужно.

- Добрый день, господин... - начал юноша, но его опередил его проводник.

- Он знает всё с того момента, как ты забрал пегасочку из госпиталя, можешь не тратить время. С твоего позволения, дружище, я зайду в пещеру. Я чувствую запах грибного пирога и сейчас не прочь перекусить. Надеюсь в твоей кладовке осталось то самое вино, что ты бережёшь для гостей. - нарочито важно произнёс хитро прищурившийся земнепось.

- Конечно, - широко ухмыльнулся отшельник, в глазах которого плясали озорные искорки, - располагайся. Мы с серогривым поговорим снаружи.

- Господа... - кивнул песочный жеребец и ушел по дорожке вслед за гидрой.

Пегас снова было открыл рот, но не успел.

- Я могу помочь, хоть это и не просто. Но есть два момента которые нужно прояснить...

- Тебе нужна моя душа? Забирай! - торопливо проговорил юноша, уже несколько раздражённый тем, что ему не дают сказать хоть слово.

Отшельник прикрыл глаза, просто и искренне рассмеявшись.

- Пони, вы меня поражаете. Эта единственная реальная ценность, что есть у живых, а вы поголовно считаете это обычным товаром. Вы перечитали слишком много романтического бреда. Я не возьму твоей души, пегас, хотя бы потому, что после этого ты не станешь так самоотверженно ухаживать за своей зазубой.

Серый пегас густо покраснел и низко опустил голову. Серый шёлк длинной гривы дождём укрыл его смущённую мордочку.

- Вернёмся к нашим мартышкам. Она пролежала так уже очень долго. Не мне тебе рассказывать, что из этого следует. Я не собираюсь отговаривать тебя, но и поддерживать иллюзию, что после моей помощи она чудесным образом станет здоровой - не стану.

Пегас кивнул:

- Я всё понимаю, мой господин, моё желание осталось прежним.

- Хорошо, - улыбнулся единорог. - Теперь насчёт оплаты. За всё нужно платить.

Это - аксиома.

Серогривый пони отрывистым движением головы убрал с глаз свою гриву, решительно взглянув в розовые насмешливые глаза мага. Последний за это время успел

изящно лечь на траву, не утруждая себя стоянием, и тени, что брали своё начало с его спины, висели над ним, рисуя в воздухе загадочные узоры.

- Всё. Что. Пожелаете. - чеканя, произнёс юноша.

И снова по садику зазвенел колокольчик тихого смеха.

- Да, в "этом" я уже не сомневаюсь...

У пегаса, что снова стоял с пылающими щеками, промелькнула жалобная мысль о том, когда же его наконец перестанут вгонять в краску. Тем временем отшельник задумался. Вильнул белым хвостом. Оценив ослепительно серого пегаса с ног до головы. Фыркнул. Полностью потерянный фельдшер не знал куда себя деть, но всё равно твёрдо стоял на месте.

- Хм... я не знаю что мне с тобой делать, - наконец после довольно длительного молчания, показавшегося серому пони вечностью, изрёк теневой колдун. - В обычных обстоятельствах у меня были бы вполне обыденные и низменные пожелания. Я - не ёлочный дед - рисковать за красивые глаза собственным рассудком. Но тебя привёл пони, который прочно занял место в моём сердце. И мотивы твои светлы и угодны Сёстрам. Так что, я предлагаю оставить вопрос оплаты на более удобное время. Я буду вправе потребовать с тебя всего, что только пожелаю.

- Я согласен.

Белогривый волшебник морщась, встал, и его вечноколеблющиеся тени, прильнув к серым бокам, затерялись где то среди его шубки. Страх, распространяемый единорогом, исчез.

- Помни, договор со мной - закон. Не приведи Селестия тебе узнать, что произойдёт в случае его невыполнения.

Маг вскинул мордочку и одну из передних ног вверх.

- *Дакини линд - переступа итан! Четверо, что закаляют сильных и низвергают слабых! Вас я призываю в свидетели!* - неожиданно и странно нежно произнёс единорог.

Копыто на поднятой ноге засветилось тревожным красным светом. Маг, недобро сощурившись, поглядел на юношу и протянул горящее копыто в его сторону, свечение от него давало зловещие красные отсветы на серой мордочке отшельника.

- Если ты согласен с нашим соглашением - коснись своим копытом, - вкрадчиво произнёс единорог.

Зажмурившийся врач заколебался на мгновение. Всё это очень дурно пахло. Тысячи мыслей вихрем пронеслись в его голове, рисуя картины будущего, одна страшнее другой. Он мысленно увидел пегасочку с шубкой цвета сгущенного молока, что сейчас медленно угасала у него в доме, и беспорядок в голове резко прекратился. Он подошёл к колдуну и демонстративно положил своё копыто на протянутую серую ногу белогривого пони. Внезапно всё стало как обычно. Это было так неожиданно, что опешивший серогривый пони сел на землю, немного дико озираясь. Единорог расхохотался и обнял сидящего пони.

- Ты - забавный. Но у тебя доброе сердце. Идём в пещеру. Мне нужно кое-что взять с собой, а тебя я угощу своим пирогом, не одному же шустрому коменданту лопать его...

Девушка лежала на траве рядом с опушкой леса там, куда её бережно положил тенями колдун. Аппаратуры с ней не было, вместо этого от волшебника тянулись к пегасочке несколько теневых прядей, затерявшиеся своими концами в её шубке. Не

скрывающий своего волнения, колдун критически посмотрел на большой красный кристаллический череп единорога, который он преувеличенно театрально держал на копыте. Хмыкнул и поставил его недалеко от девушки. Проведя еще кое-какие мелкие приготовления, он лёг перед девушкой, закрыл глаза и расслабился. Ещё больше теней устремились к пегасочке. Рог единорога засветился, и, через пару секунд - засветился рог на кристальном черепе, и в его глазницах вспыхнули злые жёлтые огоньки. Фельдшеру было строго-настрого запрещено касаться девушки, колдуна, и любого предмета, участвующего в обряде. Он мог только наблюдать и ждать. И он ждал, до боли стиснув зубы, озираясь и твёрдо собираясь выполнить последнее наставление мага: "если кто-то попытается помешать - можешь убить его, иначе - погибнем все".

Земля под пегасочкой засветилась молочно-белым. Колдун что-то шептал, опустив голову. Наконец он вздёрнул нос вверх, и, открыв глаза, медленно и величаво произнёс:

- И встал Пустой перед Вратами великого города Надежда. И не смог пройти он через них, ни он, ни него армия, хоть и открыты были Врата сии. И выбиты были на арке их - руны, сиявшие благодатным огнём, что рождён был от любовного союза Тьмы и Света. С ненавистью прочёл Пустой эту надпись:

"Упадёшь ты - подниму тебя...

Голоден будешь - накормлю тебя,

Повержен ты - обороню тебя...

И крыльями своими я укрою тебя.

С Верой в Добро, с Надеждой на лучшее.

Во имя Жизни. В славу Любви..."

Глаза теневого колдуна закатились, и, жёстко расправив тени, он застыл сидячим каменным изваянием рядом с распростёртой на траве пегасочкой. Тени клубились над ними.

... Кристаллы. Кристаллы. Свет и звук. Связи, кажущиеся хаотичными. Холодные терабайты данных от рецепторов и тёплый свет души над ними. Кто? Что?... Ах... Нужно туда, где находится целый город из кружева изумительно захватывающего дух видом своего совершенства, кристаллических снежинок, через которые проходит море нежных и трепетных сигналов поющих то - гармоничным хором, то - диссонансом. Тот океан огоньков, что даёт всем живым существам самый драгоценный дар - дар мысли. Сигналы сливаются, порождая новые - неожиданные... совершенно иные... или затухают по мере надобности. Снизу - кружево более спокойных огоньков - память... Но довольно, нужно найти это место... Ах... Да... Совершенный океан кристаллов здесь грубо порушен слепой и бездушной силой электрического тока. Шрам, не имеющий видимых границ для сознания волшебника, пребывающего в чужой голове, но только в этом месте даже могучих возможностей живого мозга недостаточно, чтобы компенсировать травму. Важный транспортный узел. Очень сложный для восстановления, вне пределов возможностей единорога. Хорошо... рядом мы создадим свой, по образу и подобию того, что есть в своём собственном мозге, в который можно нырять, как в справочник. Тенями двигаем кристаллы и их связи, не прерывая полностью соединения каждого, иначе тёплый огонёк в хрупком элементе погаснет. Проходит целая вечность. Ещё одна. Наконец конструкцию можно объявлять готовой. Она - дико груба и мало похожа на ажурное совершенство неповрежденных кристаллов вокруг. Но свет души есть и в ней, и колдун начинает аккуратно направлять буйную полноводную реку сигналов через своё

творение. Опираясь на данные от духов производится тонкая настройка, в первую очередь - дыхания, очень деликатного рефлекса. Довольный произведённым, отшельник осторожно возвращает в свою голову и касается в собственном лесу кристаллов одного, неприметного и тёмного.... приходя в себя.

... Пегасочка тихо плакала. Серый фельдшер по прежнему стоял на одном месте, прилагая чудовищные усилия на собой, сдерживая порывы подбежать к ней. Единорог устало кивнул ему, и сорвавшийся с места юноша подлетел к лежащей на траве и дрожащей мелкой дрожью девушке.

На Спирали было влажно. Собирался дождь. Инстинктивно серогривый знал, что будет и гроза. Но сейчас ему было не до погодных явлений. Тяжело привалившись к стене своего облачного домика, насмерть уставший пегас спал. Последующие дни после пробуждения пегасочки стали для молодого врача сущим кошмаром. Девушка сильно капризничала, плакала почти всю дорогу, ходила под себя. Серокрылого жеребца она не узнавала. Кормить её было сущим мучением. Купать стало вдвойне тяжело. Проснуться беспомощная понька могла в любое время суток по любому поводу. Никогда ещё пегас не уставал так сильно, и сейчас, в изнеможении прислонившись к стене, впал в тяжёлое забытие.

Оглушительно грянул гром и засверкали молнии. У жеребца даже ухо не дёрнулось. Испуганная девушка горько заплакала. Пегас тут же открыл свои дурные от постоянного недосыпа глаза, несколько секунд тупо пялясь на кровать, где лежала насмерть перепуганная грозой крылатая понька. Тяжело поднялся на ноги и подошёл к кровати. Там всё было в порядке. Серый фельдшер снова застыл, пытаясь понять, что случилось на этот раз. Снова захлопотало и в окне сверкнул чудовищный всполох. Девушка пискнула и съёжилась, глядя широко раскрытыми глазами на мужчину и нерешительно протягивая к нему слабые передние ножки. Среди деревянного отупения последних дней в душе пегаса что-то дрогнуло, он не раздумывая залез в кровать, и, укрыв обоих одеялом, обнял дрожащую пегасочку. Последняя доверчиво схоронила мордочку у него на груди и заснула. Через несколько секунд пегас сам провалился в мёртвый сон.

Жеребец проснулся от того, что девушка слабо зашевелилась в его объятиях. Судя по солнечным лучам, оба проспали до полудня. Серогривый пони обеспокоенно поглядел на свою подопечную и обмер. Окончательно проснувшаяся пегасочка доверчиво смотрела на него. Девушка слабо улыбалась. Впервые за всё это странное и тяжёлое время. Она *узнала* его и она *улыбалась* ему. И молодой пегас за всю свою жизнь не видел ничего прекраснее этого.

Понька стала меньше капризничать, хотя эластичные бондажи, присланные комендантом, и которые теперь она носила постоянно, сковывали движения, принуждая атрофированную длительной неподвижностью мускулатуру активнее работать. По этому же поводу в гости неожиданно нагрянул колдун, и, усыпив девушку, долго обкалывал её своими же тенями. Пару дней после этого кобылка плакала от боли во всём теле, но именно после этого она наконец, не без помощи не оставляющего её без внимания серого крылатого жеребца, смогла встать и с дрожью во всех ногах подойти к окну. Речь быстро возвращалась к ней, с дикцией все было в порядке, но слова она говорила как-то медленно. Фельдшер от души надеялся что это - временное явление.

Сегодня в гости к ним наведалься главврач госпиталя. При виде большого сильного бронзовошкурого пегаса понька вначале обмерла и всё старалась спрятаться за крылья своего серого попечителя. Искорка веселья промелькнула в обычно вечно серьёзных карих глазах шефа медслужбы. Он дружески обнял своего подчинённого и предложил осмотреть пациентку. Мягко успокаивая заволновавшуюся от вида незнакомого пегаса кобылку, они заставили её встать, что понька сделала с уже куда большей лёгкостью и практически без посторонней помощи. Большой пегас с одобрением поглядел на подопечную серого пегасика. Она была чистой и причёсанной, нигде не было следов свалявшейся шерсти. Через нежную кремовую шерстку на щеках проглядывал слабый румянец. Голубые глаза были ясными и доверчиво смотрели, иногда зажмуриваясь, когда осматривающие её врачи делали ей щекотно. Только одно вызывало беспокойство у большого пегаса. Крылья кобылки хоть и шевелились, но слушались плохо. Видя затаённую боль и страх в синих глазах серого жеребца, шеф медслужбы не стал говорить вслух о своих опасениях.

В своей пещере колдун мрачно ходил вперёд и назад. Тени черно-серым плащом волочились за ним. Стоял сильный аромат кофе с мятой. Большой пегас с шубкой цвета старой бронзы флегматично прихлёбывал дымящийся напиток из огромной кружки, глазами следуя за вышагивающим отшельником.

- Я идиот. Конкретный и законченный. - резюмировал единорог.

- Обоснуйте. - бросил пегас, сделав глоток из кружки.

- Когда я копался в мозгах девушки, копируя повреждённый транспортный кластер с себя, любимого, я не учёл, что сам-то пегасом не являюсь и про моторику крыльев даже не подумал. То что она может ими хотя бы шевелить - заслуга исключительно того, что такая бестолочь как я, всё же летает. Хоть и не маша тенями так неистово как вы....

- Поправить это очень сложно?

- Я бы не стал лишний раз грубо вламываться в такую тонкую систему. Всегда есть риск. Я не уверен, что мне простят, если она откроет глаза уже слабоумной.

- Это пегасы, колдун. И если на то пошло, мне кажется, ей лучше будет стать дурой, чем жить с полным осознанием того, что она не сможет летать. Во всяком случае, так она не будет страдать...

- Я бы не хотел быть овощем. Но тебя понял. - сухо ответил отшельник, который забравшись на свою лежанку в нише, теперь сверлил задумчивым взглядом противоположную от себя стену.

Молодые пегасы пили чай дома, когда к ним вежливо постучался колдун. Его радушно пригласили внутрь, - оценить прелесть пирожных из городской пекарни и большого количества засахаренных лимонных и апельсиновых долек. Отшельник не стал отпираться и вскоре сидел за столом, легко держа усиком тени чашку и одно из пирожных, поддерживая беседу и ненавязчиво при этом разглядывая обоих пони. Несмотря на внешнюю непринуждённость и веселье, царящие за столом, было заметно, что крылатых пони гнетёт мрачное предчувствие. Все старательно избегали темы неба и полётов. Через какое-то время единорог попросил серогривого пегаса поговорить с ним наедине. Оба извинились перед девушкой, на что та ответила непринуждённой улыбкой. Но голубые её глаза смотрели вслед отошедшим жеребцам с тревогой.

На улице теневой маг что-то серьезно и обстоятельно говорил серому фельдшеру. Через какое-то время к разговору присоединился могучий бронзовошерстый пегас, только что прилетевший на облако. Беседа затянулась, и не находящая себе места пегасочка вышла из облачной пирамидки, держа баклажку с томатным соком.

- Господа, сегодня припекает... Не желает ли кто томатного сока? - робко улыбнулась девушка. Всех опередил шеф медслужбы. Его карие глаза, как оказалось, могли светиться очень тёплыми огоньками, и не говоря ни слова, одним только взглядом, он попросил напиток. Легко покрасневшая понька дала ему баклажку, которую жеребец, крякнув, осушил одним махом. Раздался смех всех присутствующих. Сконфуженный большой пегас понял, что выдул сок, предназначавшийся всем, но это тем не менее разрядило обстановку. Колдун усиком тени мягко повернул мордочку девушки к себе и ласково попросил:

- Солнышко, помаши крыльями.

Девушка побледнела, и закусив нижнюю губу, стала махать своими изящными и ухоженными крыльями. Слишком медленно. Слезинки появились в её глазах. Но отшельник ловко вытер их тенями и ободряюще улыбнулся поньке. Пегасочка была готова разрыдаться, но серые крылья юноши обняли её сзади. И она, с облегчением схоронив мордочку в его оперении, тихо заплакала.

Ночью, в своей пещере, долго и терпеливо ожидавший колдун наконец выпрямился. Все участники предстоящего наконец заснули, и он, обратившись в тень, вылетел на улицу и быстро и бесшумно заскользил в сторону города к Спирали пегасов. Пройдя сквозь стену, он очутился в комнате, где на кровати серогривого юноши спала кремовая крылатая понька, а сам фельдшер спал на жёсткой кушетке, реквизированной из госпиталя. Абсолютно бесшумно, как это может только бесплотный дух, кем в настоящий момент теневой маг и являлся, он, опустив усики теней на лоб обоим, прошептал молитву, укрепляя их сон. После этого, материализовавшись, достал знакомый красный череп с рогом, и после некоторых приготовлений в очередной раз погрузился в транс, лежа перед спящей девушкой...

... Понька открыла глаза. Она лежала в середине идеально круглого травяного поля, почему-то размеченного белой краской в виде мишени. Вместо неба были серые и чёрные вихри, при взгляде на которые становилось тоскливо настолько, что хотелось умереть. Но куда более подавляющими были два огромных сияющих розовых глаза, что неосознанно прибавали взглядом к земле, делая любое движение - подвигом, а мысли в голове - неповоротливыми каменными булыжниками. Взор сверху стал обеспокоенным, и эта неестественно сильная эмоция чуть не выбила разум поньки из колеи. Но тот, что был "сверху", видимо тут же успокоился. Стало полегче.

- Леди! Вы снова опоздали на работу! Уже в третий раз за этот год! В моей компании не терпят нерях и пони, не живущих по нормам корпоративной этики!... - отрывистый лающий голос эхом стал метаться по круглой площадке.

Из серого тумана возник единорог в деловом костюме, в очках с тонкой оправой и рыбьим взглядом. В всём его облике было что-то нездоровое и заразное. Продолжая отчитывать застывшую в страхе девушку, он направился в центр полянки. Пегасочка завизжала. В небе сверкнуло, и на краю полянки появилась розовая дорожка.

Пришедшая в себя понька ринулась прочь от наваждения в сторону открытого ей выхода...

... Серогривый обнаружил себя под каменным навесом. Вокруг него хаотично и очень быстро летали камешки, камни, здоровенные валуны и циклопические каменные горы. Безопасной была лишь каменная площадка, на которой он в настоящий момент лежал. Юноша встал, и в растерянности стал оглядываться вокруг. Кругом были только летающие с сумасшедшей скоростью камни, за которыми не было не видно ничего. И давление взгляда откуда-то сверху. Полёт через этот хоровод закончился бы печально. Пони ничего не понимал, но услышав где-то под собой знакомый крик поньки, сорвался с места, и ввинтившись в щель между двух быстро сближающихся валунов, начал свой смертельный полёт.

Лечь на крыло. Распушить оперение в торможении. Боль в крыльях. Пике. Взлёт. Снова торможение. На крыло, опять взмыть, яростно работая крыльями, над приближающимся страшно шипастым камнем. Уворот. Петля - лишь для того, чтобы чуть не размазаться о неожиданную выскочившую, плоскую как таблетка, каменную плиту, с которой раздавался издевательский смех. Снова затормозив крыльями и чуть не выломав их при этом, тяжело брякнулся о каменную поверхность. Рядом с ним стояла... его собственная копия, глумясь и насмехаясь. Двойник дёрнул левым крылом, и из каменного хоровода вылетел изрядного размера булыжник, со свистом устремившись к распостёртому на плите юноше. Измотанный пегас еле успел откатиться, но это не спасло его от града мелких осколков, на которые с грохотом разлетелась каменюка. Смех стал визгливее, и вот уже четыре камня, страшно вращаясь, устремились к цели. Уклонятся уже не оставалось сил, да и возможности. Но тут между титаническими снарядами и лежащим пони появился огромный - в разы больше камней - щит. Он был стальной и клепанный по краям. И украшало его большое красное сердечко. При соприкосновении с ним все четыре валуна поочерёдно исчезли.

- Сладкий мой, полагаю не время лежать, когда твоя любимая взывает о помощи, - раздался довольный собой, бархатный голос коменданта города, что сошёл с появившейся розовой дорожки на плиту.

Помотав головой, серый фельдшер тяжело встал, попутно вперив взор в знакомую кьютимарку земнепоня, которая была маленькой, но точной копией того, что спасло его от обстрела. Все участники почувствовали тяжесть беспокойства, что шло от взгляда сверху. Клон юноши злобно фыркнул, и, сверкнув красными как угольки глазами, выдохнул тучу непроницаемого черного тумана, скрыв от пегаса его спасителя. Но даже беспроглядная тьма не смогла скрыть светящейся дорожки, к которой поспешил крылатый пони.

Земнопонь, очутившись в непроглядной темноте, не потерял присутствия духа и спокойно ждал, что будет дальше. Тьма стала уплотняться и быстро приобрела знакомые черты теневого единорога, но с горящими красными огоньками глазами и с кучей щупалец. Комендант от всего сердца засмеялся. Монстр угрожающе надвинулся на элегантного джентельпони, но тот, ничуть не испугавшись, двинулся навстречу внушающей своим видом ужас и омерзение твари. Тентакли жадно обхватили жеребца и поднесли к чудовищу. Пони совершенно не делал никаких попыток выбраться, наоборот - он томно прищурился, глядя на монстра и очень нежно погладил

ближайшее щупальце. Раздалось что-то вроде оскорбленного ворчания и наваждение исчезло.

Взгляд, наполненный чистой радостью и гордостью за друга, щедро лился сверху на шефа городской стражи, который хихикая, уходил по появившейся розовой дорожке....

...Пегас с шубкой цвета старой бронзы медленно брёл сквозь бесконечную анфиладу громадных пыльных залов. Вокруг были какие-то брошенные механизмы, старые игрушки, пыльные и ветхие книги. Сам пони чувствовал себя старым и никому не нужным. Его большие крылья сейчас бессильно волочились за ним. Пегас был не в состоянии поднять их. В некоторых залах висели большие пыльные зеркала, в которых воин видел прошлое и настоящее, где ему не было места. Разворачивались сцены и житейские истории с участием разных пони - близких и далёких. И где в нём не было нужды. "Ты ни на что не годен! Никчемным ты и состаришься, и станешь облезлым комком перьев!" - кричало ему со стен. "Дар. Мо. Ед. Дар. Мо. Ед..." скрипели торчащие во все стороны пружины в одном из залов.

Могучий пегас умел отступать. Пусть никому не нужен. Пока. С каменным лицом он отстранённо и вяло шествовал до конца анфилады, мимо оскорбительно нащёптывающих вещей в залах, где в последнем зале был огромный балкон. С него он видел огромные светящиеся розовые глаза, которые были сосредоточены на ком-то другом, но даже так находящие время, чтобы подарить тонкий ручеек тепла для него. Видел хаотичный вальс камней в пустом пространстве. И услышал крик ужаса поньки.

"Вот. Теперь я нужен." Пони с шубкой цвета старой бронзы покосился на несущие уныние и отчаяние залы, легко улыбнулся и прыгнул с балкона в смертоносный каменный хоровод.

И падая он расправил свои большие крылья. И он полетел.

Понька очутилась в огромной трансформаторной станции. Кругом гудели катушки преобразователей и слышались щелчки автоматики. Девушка растерянно закрутила головой, когда над ней загрохотал знакомый визгливый голос:

- Вы выбиваетесь из графика, моя госпожа. Новый блок трансформаторов следовало запустить ещё месяц назад. Главный инженер настаивает на вашем увольнении, но я бережно отношусь к сотрудникам, особенно если в них есть искра таланта, могущего принести нашей любимой компании пользу! Вы включите его сегодня или его включит другой ведущий электрик, нанятый вместо вас! Ваши отчёты о нарушениях безопасности специально созданная комиссия сочла несостоятельным и являющимися, по сути, отговорками. Вы всё проверяли и перепроверяли уже сотни раз! Сколько можно, запускайте же! Энергетическая корпорация "Брокенхарт Маджикс" сможет наконец дать Филлидельфии еще целых пять мегаватт!

Девушка ошеломлённо поплелась к стойке с предохранителями, намереваясь набрать их для дальнейшей установки в рубильник, мимо стоящего высоко над ней главы корпорации в деловом костюме. Тот нетерпеливо буравил колючим взглядом поникшую поньку, когда услышал тихое: "Обернись..."

Возмущённо вскинув бровь, единорог резко обернулся, чтобы отчитать нахала, когда увидел черногривого пегаса почти в два раза больше себя. Шеф медслужбы

резко махнул крылом, намереваясь оглушить пони перед собой, но мара просто исчезла.

- Моя госпожа, я далек от техники, но мне кажется это не стоит делать...

Пегасочка с облегчением улыбнулась в ответ.

- Не стоит. Могут пострадать многие пони и выйдет из строя электростанция. Город останется без света.

- В таком случае нам стоит... - главврач не успел договорить, исчезая во вспышке молнии, сорвавшейся с длинной мачты, которую держал другой единорог пегой масти в оранжевой каске и.... огорчённо чертыхнувшись, проснулся.

- Ставь, распутная дрянь. Ты всегда была позорищем в семье, копия своего отца. Такая же нелепая и нерешительная. Я приказываю тебе, как главный инженер и как единственный родственник. Иначе тыпустишь нас по миру, мы не расплатимся с фирмой Брокенхарта за не исполненный договор. - Голос у пожилого пони был твёрдым и холодным как гранит.

Пегасочка дёрнулась, но тут же остановилась, взглянув прямо в глаза дяде. Демонстративно разжала копыта, и стеклянные предохранители с преувеличенно громким звоном разбились о бетонный пол.

- Ах ты, маленькая бестолочь... - единорог схватил неожиданно могучим телекинезом брыкающуюся девушку, когда с другой смотровой площадки прилетел вибрирующий в воздухе сюрикен, выпущенный с напытного гарпуна коменданта и разбивший рог инженеру. Придушенная понька рухнула обратно на пол, вяло шевелясь. Обычно боль при травме рога была невыносимая, но странный пони лишь хрипел, страшно вращая налившимися кровью глазами и рассеиваться как предыдущие наваждения, очевидно, не собирался. Подняв двузубый разрядник в сторону коменданта, он ударил молнией в заблаговременно подставленный щит с сердечком земнепоня. Но тут же ударила следующая - в помост под шефом городской службы, и падающий с разрушившейся конструкции земнепонь... с досадой проснулся у себя в комнате.

“Дядя” начал спускаться вниз, когда неожиданно был поднят в воздух, однако почти тут же опущен - единорог был очень грузен, под стать земнепони и удержать его серогривый юноша не сумел. Однако и этого было вполне достаточно. Пролетев около шести метров с вышки, пони с обломанным рогом распростёрся на полу недалеко от пегасочки. Фельдшер спустился к ней, и, укрыв крыльями и обхватив передними ногами, озабоченно осматривая и шепча ласковые слова. Машинное отделение вокруг них исчезло, и они оказались на поляне, поросшей густой травой, вроде той, на которой любили собираться горожане родного города серого пегаса. Недалеко от них она оканчивалась обрывом. Камни в пространстве исчезли, и лишь чёрно-серые волны постоянно колебались вокруг. И два горящих глаза сосредоточенно следили сверху. Но покалеченный комендантом единорог никуда не делся. Рыча, он разогнался и толкнул обоих лбом. Пони полетели с обрыва. Оглушенный серогривый врач повис на поньке, которая крепко ухватилась за торчавший корень, невесть откуда взявшийся под обрывом. Гигантские глаза сверху недобро прищурились, и, странно завизжавший пони, что торжествующе стоял у обрыва, рассыпался в столб розовых искр, быстро затухавших на траве. Пегас выскользнул из ног девушки, и, распластав крылья, стал падать в бесконечную пропасть. Девушка бросилась за ним следом, сложив крылья и целенаправленно камнем падая за ним. Догнав, она снова

обхватила его и расправив крылья стала планировать. Снизу показалась приветливая земля и обнимающая постепенно приходящего в себя пегаса, понька... заснула с чувством, что всё будет хорошо.

...“Какой же я всё же растяпа... оно же всё было под носом!” - шелестели чужие мысли в знакомом уже городе из совершенных кристаллов...

Через два месяца комендант в безукоризненном импозантном костюме сидел в роскошном высоком кабинете, украшенном стеллажами с книгами, дорогой мебелью и большим офисным столом, над которым висел большой портрет принцессы Селестии. За столом сидел красный от гнева единорог в деловом костюме, очках с тонкой оправой и тоскливыми рыбьими глазами. Он кричал:

- ...Я не обязан вам вообще говорить о вещах, представляющих коммерческую тайну! Вина возложена на ведущего энергетика - и точка. Несоблюдение Правил Безопасности, пункт 16-а четвёртого Раздела! Специальная комиссия...

- ... собранная из ваших подпевал. Приказ отдали вы. И ваш главный инженер, который кстати даже не удосужился поговорить со мной о судьбе своей, травмированной по его прихоти, сотрудницы, да ещё и собственной племянницы.

- Он болен. У него трещина в роге. Воспаление. Это очень болезненно. Ему не до встреч с сомнительными пони. И вы вообще здесь никто, убирайтесь в своё захолустье! - глава компании “Брокенхарт Маджикс” нажал кнопку вызова охраны.

Земнепони поднялся, благожелательно и широко улыбаясь.

- Несомненно, неуважаемый. Я пони, не имеющих связей в Филлидельфии, кроме торговых. Но зато я кое-кого знаю... в Кантерлоте.

Комендант встал и пошёл к двери. Открыл её перед опешившими единорогами охраны, и, обернувшись, добавил.

- Пони вроде вас и вашего главного инженера забыли заветы дружбы. Я упомяну об этом при дворе. Подобные вам не должны управлять вещами, от которых зависит благополучие слишком многих пони.

Земнепони легко поклонился портрету над столом, и, более не обращая внимания на хозяина кабинета, вышел прочь.

Черногривый пони с наслаждением парил в небе. Погода стояла тёплая, и, распушив перья, он планировал над городом, и собирался уже взять курс на лесную хижину подруги, как вдруг увидел двух знакомых пегасов. Нырнув на ближайшее облачко, он решил понаблюдать за молодыми крылатыми пони. Они смеялись, и время от времени понька сосредоточенно и быстро махала крыльями. Устав, она получала в награду поцелуй от сияющего от радости фельдшера, и его копытце, нежно опущенное на её кюйтимарку в виде гаечного ключа с искорками молний. Через какое-то время это всё повторялось. Большой пегас погрузился в воспоминания и, постепенно задремав на солнцепёке, провалился в сон. Неожиданно проснулся, когда солнце уже шло на закат, от крика восторга поньки. Девушка планировала над ним, рядом летел не помнящий себя от радости серошерстый пегас. Пусть пока и теряя высоту, но она *летела*. И молодая пара была счастлива этим.

Главный врач города улыбнулся тёплой и доброй улыбкой, глядя на них. Как будто груз всех житейских проблем исчез от увиденного. Он чувственно развернул крылья и

свечкой мощно взмыл в воздух, грациозно вращаясь, исполняя тот красивый танец, на которой способны лишь крылатые существа.